

Виталий Аверьянов, доктор философских наук

РУССКАЯ АРТЕЛЬ. НЕВОСТРЕБОВАННЫЙ ОПЫТ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ?

Приводится в сокращённом виде

Настоящая статья — определенный итог многолетних исследований происхождения и сущности русской артели, предпринятых в Институте динамического консерватизма. Мы исходим из представления об этом институте как о социальном, экономическом и культурном явлении, отражающем важнейшие черты и характеристики менталитета русского народа.

Речь идет не о преходящих свойствах общественного сознания, но именно о стойких основах народного духа, которые прорастают сквозь разные исторические эпохи. Такой подход позволяет рассматривать артель не только как исторический феномен, но и как отражение национальной метафизики, практическое преломление глубинной установки русского человека на взаимодействие, совместную деятельность, совместную жизнь.

Артелью мы называем *добровольное товарищеское объединение с приоритетом личного трудового вклада участников, создаваемое для совместной деятельности на началах самоуправления, солидарности и взаимной ответственности*. Исторически русская артель является носителем ценнейшего опыта низовой самоорганизации народа, при этом артельный союз, чтобы иметь право так называться, должен был обладать внутренним суверенитетом. Суверенитет рус- ►

ской артели — определенная мера ее независимости от внешних сил и субъектов. Следует подчеркнуть, что русская артель всегда вступала в сложнейшие и самые разнообразные взаимоотношения с внешними субъектами, а потому сохранение собственной автономности и независимости являлось непростой задачей, требовавшей от артельщиков верности своим принципам, преданности друг другу и артельной традиции, истоки которой восходили, как правило, к древнему прошлому.

Исследователи отмечали «чрезвычайную склонность русского народа к артельному общению». «Известны случаи, — писал проникательный исследователь русской артели А.А. Исаев, — когда русские каторжники, бежавшие из Сибири в Америку, образовывали там артели извозчиков»¹. Артель с удобством применялась в добывающей промышленности, охоте, рыболовстве, земледелии и т.д. — в каждом из промыслов наблюдались различные модификации и вариации артельного содружества людей. При этом попытки искусственной организации артелей в кустарной промышленности, предпринимаемые земствами во второй половине XIX века, в большинстве случаев не привели к ожидаемым результатам. Наибольшее распространение в России получали артели рыболовов, грузчиков, строителей, носильщиков, а также разнообразные сельскохозяйственные артели. Были широко распространены и различные близкие к артели формы организации (заводские «сотни», строившиеся с учетом артельного начала; потребительские артели в различных социальных средах — в частности, харчевые, солдатские, арестантские; созданные для коллективной аренды квартир товарищества и т. п.).

Для верного понимания сущности организации русской артели важно акцентировать ее несводимость исключительно к экономическим началам; огромную важность имели также и неэкономические факторы и

принципы, которые со всей своей силой проявлялись в неэкономических артелях. Надэкономическая сущность института состояла в том, что целью его деятельности, даже сугубо экономической, не являлась одна только прибыль. «Рыночные», экономикоцентричные трактовки артели, подходы к ней как форме организации, мотивированной на получение прибыли, продемонстрировали свою беспомощность и маргинальность.

В русской артели демонстрировалось отношение к деньгам и капиталу как функциональному фактору развития дела. «Не деньги создают дело, а дело деньги. Если артель будет объединением трудящихся людей, то к ее услугам будут и деньги»². Этот же принцип в более широком философском звучании раскрывается и в известной народной поговорке, в которой показано отличие русского менталитета от западного, буржуазного: «время — деньги». «Время, — говорили в русском народе, — деньгу дает, а на деньги времени не купишь». Эта сентенция свидетельствует о непереводаемости ценности человеческой жизни в финансы, в количественную меру — жизнь человека, его внутренний мир и внутренняя свобода рассматривались как высшее измерение бытия, а время понималось как «мудрость жизни»³. Материальное состояние, при всей его важности, помещалось в другую плоскость.

Главный теоретик кооператизма-артельности Е.Д. Максимов (Слобожанин) усматривал смысл артели в удовлетворении «разнообразных жизненных потребностей личности — духовных, правовых, политических и экономических»⁴. Исследователь видел цель артельно-кооперативной деятельности в счастье человеческой личности.

Безусловно, и *персональное счастье артельщика*, и *общая польза участников артели* не могут пониматься как потребительские или чисто экономические понятия. Преуспевающие, «богатые» артели видели свой «капитал» не в финансовой мощи, а в развитии мастер-

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 287.

² Буров Ф.Ф. Из деревенских разговоров // Народные мысли. 1918. № 8—9 (Цит. по: Николаев А.А. Как крестьянство артелью справляет свои дела. М., 1918. С. 5).

³ См. на эту тему: Азаренко С.А. Топология культурного воспроизводства. Екатеринбург, 2000. С. 214.

⁴ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности: статьи. Пг., 1919. С. 69.

ства, возможности иметь учеников, в продолжении и развитии артельного дела. Таким образом, здесь мы выходим на философию предприятия, альтернативную капиталистической, на особый некапиталистический вид предпринимательства.

Существуют многочисленные свидетельства огромного нравственного значения артелей, их влияния как на самих артельщиков, так и на окружающих людей. Среди крестьян смысл и пафос артели вызывал умиление сродни религиозному. По убеждению «артельного батьки» Н.В. Левитского, организатора земледельческих ассоциаций в Херсонской губернии, артель воспитывает человека, способствует снижению преступности: «А какое впечатление производит артель на народ, можно видеть из того, что некоторые, слушая объяснения по поводу артелей, снимают шапки и крестятся»⁵. А.А. Исаев указывал на огромную воспитательную и формирующую личность силу артелей: по его наблюдениям, само общение между членами влияет на их ум гораздо более, чем чтение книг. А.Н. Энгельгардт, описывая артели граборов, замечает: «Человек может быть мошенник, пьяница, злодей, кулак, подлец как человек сам по себе, но как артельный грабор он честен, трезв, добросовестен, когда находится в артели»⁶.

С другой стороны, нельзя недооценивать и такой важный фактор, как подбор в артели людей по принципу не только профессионализма, но и личных качеств. Видный русский предприниматель Вл. Рябушинский в работе «Русский хозяин» отмечал: артель как «замечательный элемент русской деловой жизни, бесценный помощник и сотрудник русского хозяина заслуживает особого внимания. <...> Запад не знает такой организации — это особенность нашего хозяйственного уклада. Некоторые умиляются, полагая, что артель — это “демократия”; совсем она не демократия, а чистая аристократия — отбор по признаку известной зажиточности, а главное — личной годности. Не всякого, кто хочет, возьмут в хорошую артель; он должен внушать дове-

рие, его должны знать. Артель отвечает имущественно за своих членов, а поэтому слабых людей, пьяниц, кутил она терпеть не может»⁷.

Упомянутый выше Н.В. Левитский, исходя из собственного опыта, чрезвычайно ярко рассказывает о преимуществах артельной организации по сравнению с другими типами хозяйства. По его мнению, земледельческая артель позволяла: а) крепко держаться земли; б) сделать хозяйство крепким и надежным; в) легче выдерживать неурожайные годы; г) улучшить свое хозяйство приобретением усовершенствованных земледельческих орудий и машин; д) через круговую друг за друга поруку занимать деньги в частных, правительственных, земских кредитных учреждениях, так как артель может приобрести больше доверия к себе и своей хозяйственной и платежной силе; е) обеспечить верную и правильную уплату следуемых государственных, земских и общественных денежных повинностей и налогов; ж) отвыкать от злобы друг к другу, а учиться братской жизни, взаимному уважению и любви⁸.

Отвечая на вопрос «что прежде всего привлекало русского человека к артели?» современный мыслитель О.А. Платонов отмечает: «Равноправие, справедливое вознаграждение, товарищеская поддержка, ибо артели были не только деловыми объединениями, но и общественными организациями». По мнению Платонова, русская артель была призвана на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Мало того, артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями⁹.

В классической артели человеку труда было везде и всегда работать выгоднее, чем в батраках или наемниках. Современный историк Александр Елисеев справед- ►

⁵ Левитский Н.В. Земледельческие артели Херсонской губернии. СПб., 1896. С. 2.

⁶ Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. С. 286.

⁷ Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 1994. С. 146—147.

⁸ См. Левитский Н.В. Артельный договор для земледельческих артелей. Елизаветград, 1900. С. 5.

⁹ См. Платонов О.А. Русский труд. М., 1991. С. 55—57.

ливо отмечает: «Артель представляла собой высокоэффективную хозяйственную организацию, члены которой всегда получали значительный материальный стимул к хорошей работе — великолепные заработки. Они во много раз превышали заработки наемных рабочих — и государственных, и «частных»¹⁰. О том же пишет и А.А. Исаев в своей работе «Артели в России»: «Обращает на себя внимание то благодетельное влияние, которое артель, экономически самостоятельная, оказывает на материальный быт участников. Причины этого благотворного влияния слишком понятны, чтобы нуждаться в подробных пояснениях. Раз производительной артели принадлежат весь труд и капитал, влагаемые в предприятие, она получает и все доходы, добываемые путем совместной деятельности». При этом Исаев оговаривается, что данная закономерность действительна только в отношении хозяйственно самостоятельных артелей; если же артель впадает в зависимость от предпринимателя или кредитора, то она «спускается до уровня группы наемных рабочих; в этих случаях она слишком слаба, чтобы давать своим членам те выгоды, которыми пользуются участники самостоятельных артелей»¹¹.

Можно выделить по крайней мере 12 положений, которые задают рамочные характеристики артели. При выходе за эти рамки, с нашей точки зрения, следует говорить об изменении самой сущности классической артели или разрушении ее исторически обусловленной целостной модели. При систематическом нарушении того или иного принципа исследователь вправе говорить о вырождении или деградации артели.

1. Добровольность участия в артели ее основных взрослых членов, возможность выхода из артели, осуществляемого по определенным правилам.
2. Основа артели — личный труд участников. При этом участие внешнего пайщика, заказчика, посредника, наемных работников часто имеет весьма важное значение для жизнедеятельности конкретного союза, но все эти факторы не определяют суть артели и не должны вести к размыванию ее базовых принципов.
3. Согласованность действий, совместное распределение функций и участков работы.
4. Самоуправление, которое проявляется в *общем собрании* участников как высшем органе власти в ар-

¹⁰ Елисеев А. Социализм с русским лицом. М., 2007. С. 30.

¹¹ Исаев А. Артели в России. С. 251, 252.

тели, *избрании* руководителя и иных органов управления, *контроле* участников за ходом исполнения решений и реализации принципов артели. Самоуправление, если несколько абстрагироваться от привычной рефлексии на эту тему, означает в первую очередь не какие-то формально-процедурные демократические черты, но прежде всего — глубинный характер участия всех и каждого в общем деле, не только в самом труде, но и в управлении, организации труда, согласовании спорных вопросов. Демократической процедуры в таком самоуправлении могло и не быть — многие решения принимались по молчаливому согласию, при том что голос участника артели, если он возвысится, не мог быть заглушен.

5. Круговая порука как солидарная ответственность участников перед внешними субъектами правовых и экономических отношений.

6. Наличие в артели писаного или чаще неписаного договора (устава), основу которого составляли известные всем обычаи и традиции данной местности и данной хозяйственной отрасли, промысла.

7. Элементы общего быта и стола, специальных артельных ритуалов и обрядов (иногда приобретающих всеобъемлющее значение — как, например, в обычае «помочей», преобразующих взаимопомощь трудом в эстетизированный фольклорный ритуал сродни религиозному).

8. Распределение доходов пропорционально личному вкладу участников на основе равенства их прав. В подавляющем большинстве артелей критерии и приоритеты, связанные с оценкой вклада участников, долей их труда и заслуг в общем деле, были детально ясны всем опытным артельщикам и связаны с идущей из прошлого традицией справедливого распределения. Хотя встречались и случаи абсолютно равного распределения доходов среди артельщиков — это практиковалось при условии доверия между ними, на основе общего понимания и согласия по поводу справедливости такой схемы распределения, то есть по поводу равенства самих артельщиков как трудовых единиц (в их производительной силе, мастерстве, полезности для братьев), равенства или эквивалентности выполненных каждым долей общей работы.

9. Отсутствие ответственности артели по *личным* долгам и провинностям конкретного артельщика (их нельзя путать с артельными обязательствами, на которые распространялась круговая порука); при этом нарушение артельщиком законов и нравственных норм внешнего по отношению к артели общества, наносящее или способное нанести ущерб репутации артели, порицалось вплоть до наказания и исключения из артели.

10. Сочетание хозяйственно-экономических целей деятельности с целями духовными, нравственными, связанными с осознанием артели как высшей социальности, братства и взаимопомощи; поощрение артелью этих высших качеств (образ «артельного человека» как приспособленного к взаимодействию и согласованной, предсказуемой, ожидаемой его братьями деятельности, высоко ценящего артельное братство).

11. Жесткое пресечение индивидуальных действий артельщика, когда тот получает какие-либо частные выгоды или корысти за счет артели без согласования с ней, без ее ведома, без учета общей пользы и интересов братьев.

12. Отбор людей в артель по сложной системе критериев. В большинстве артелей был строгий подход к компетенциям и навыкам новопринимаемых лиц, строгий подход к их нравственному облику и способности соблюдать писанные и неписанные нормы артельной жизни. Как правило, артель в народном сознании воспринимается как образец *высокой общности*: не каждый может работать в ее составе — до уровня «артельного человека» необходимо подняться, возрасти; а поднявшись — удержаться на этом уровне. Артельный человек, в особенности руководитель и организатор артели, — уважаемый в народе человек. Это своего рода «знак качества» личности.

* * *

Важной темой в понимании специфики русской артели является ее соотношение с кооперацией. У исследователей на сей счет существуют диаметрально противоположные оценки и суждения. Основываясь на многолетних изысканиях, мы полагаем, что артель не является частным случаем кооперации, понимае- ►

мой в узком смысле¹². Русская артель существовала задолго до того, как возникла так называемая производственная кооперация, задолго до Роберта Оуэна, рочдейльской лавки и т. д. Она не является частным случаем этой практики, а скорее — сквозным принципом, который просматривается в русской жизни и экономике с древних времен. Что же касается производственной кооперации, к которой некоторые теоретики пытались свести артель, то она представляет собой одну из разновидностей социальной организации, иницируемой, исходя из идеалов и представлений образованной части общества.

Эта точка зрения достаточно убедительно обосновывалась многими признанными знатоками темы. Так, В.П. Воронцов видел в артели в первую очередь продукт обычного права, «низовое» явление, тогда как в кооперации — внедрение заграничных образцов учреждений, стоящими над народом¹³. Точной представляется и мысль М.Л. Хейсина, утверждавшего, что русская производительная кооперация, близкая по форме к артелям, возникла у нас не из артелей¹⁴. Фактически мы имеем дело с двумя параллельными и накладывающимися друг на друга процессами: с одной стороны, постепенным, эволюционным развитием в России народной артели, с другой — начавшимся в XIX веке бурным активизмом политиков, идеологов, общественных деятелей, вдохновленных идеями социализма и кооперации. Второе явление представляло собой превращенную форму русского западничества с ориентацией, как водится, на наиболее успешные иностранные образцы. В этом западничестве были и свои «славянофильские» черты, сильная «народническая» составляющая — отсюда и многочисленные попытки

скрестить кооперацию с народной артелью, увязать их в рамках единой целостной идеи¹⁵.

Во второй половине XIX — начале XX века русская общественная мысль в значительной степени вращалась вокруг стойких иллюзий, или даже утопий, по поводу не просто сохранения исконных русских форм — общины и артели, но и построения на их основе нового социализма с отечественной спецификой, своеобразного русского социализма. Эти иллюзии и утопии, возможно, были не столь уж и далекими от жизни, как это зачастую представляют, — опыт общинного и артельного бытия, если понимать его не буквально, а как огромный пласт нравственных ценностей, социально-психологических преимуществ и достоинств русского человека, который мог бы оказаться востребованным, если бы Россия в XX веке пошла по иному пути развития. Во всяком случае, этот пласт ценностей и установок давал обнадеживающие всходы. Как справедливо писал русский теоретик А.А. Николаев, «буйный рост русской кооперации после 1905 года объясняется колоссальным, многовековым опытом артельной жизни»¹⁶. Это, безусловно, так, поскольку тот артельно-кооперативный бум, который начался в Российской империи в последние десятилетия ее существования, невозможно объяснить никакими потугами со стороны интеллигенции и власти. Это было всенародное, низовое движение, вызванное открывшимися шлюзами в законодательстве и государственной политике, которая в ту эпоху была направлена на помощь экономической самоорганизации.

Сложность исторического момента заключалась в том, что русская артель нуждалась в защите от все усиливающейся агрессивной капиталистической среды, в которой она была вынуждена выживать. Перед

¹² Артель, разумеется, может быть определена термином «кооперация» в ее широком и абстрактном значении — как союз, основанный на сотрудничестве, совместной деятельности нескольких лиц.

¹³ См. В.В. (Воронцов В.П.) Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 1 и др.

¹⁴ См. Вестник кооперации. 1909. № 1. С. 34.

¹⁵ Любопытная деталь: несмотря на все аргументы теоретиков кооперации западного типа, официальная позиция заключалась в том, что артели не являются кооперацией. Царское правительство в лице Министерства промышленности и торговли при обсуждении в 1916 году вопроса об изменении положения 1902 года «Об артелях трудовых» отказалось признать артели частью кооперации. Только кооперативный закон, принятый Временным правительством, в котором преобладали сторонники западного направления внутри кооперативного движения, в марте 1917-го признал кустарно-промысловые артели частью российской кооперации (см. об этом: Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 123).

¹⁶ Николаев А.А. Теория и практика кооперативного движения / Изд. 2, перераб. и доп. автором. Т. 1. Вып. I: Классификация и определение кооперации. Пг., 1919. С. 88.

артелью открывались два пути: либо при поддержке государства и общества обретать более цивилизованную форму, становиться вровень с веком и брать на вооружение новейшие методы и технологии, либо идти на уступки капиталистам. Второй путь означал закабаление артелей и, так или иначе, их «перерождение». Первый путь стремительно осмысливался теоретиками, но оставался во многом туманным и гипотетическим; второй путь, казалось бы, становился реальностью — образчики «перерождения» артелей встречались все чаще.

В условиях капитализма, без серьезных опор в лице «больших» институтов, опекающих народную самоорганизацию (ведомства-заказчики, земства, общественные советы по содействию ко операции, частные благодотворители-энтузиасты, обладающие деньгами или административными возможностями, и т.д.), артель вступала в тесные отношения с капиталом, в первую очередь торговым, попадала в зависимость от него как более подвижного и эффективного оператора на рынке и нередко утрачивала свои сущностные черты, превращаясь в придаток капиталистических предприятий. Некоторые артели вращались в капитализм и постепенно превращались в стандартные экономические ассоциации (такие как акционерное общество, фирма, работающая на аутсорсинге, и т.п.). Нередко такие формы, утрачивая самостоятельность и способность к подлинному самоуправлению, по инерции все еще продолжали именоваться «артелями». Данный факт представляет собой проблему для исследователя, поскольку последнему приходится делать выбор: либо ради строгой методологии отказать этим формам в праве именоваться артелями, либо пойти на компромиссное расширение понятия «артель», а фактически — на его размывание.

Так или иначе, в последней трети XIX — начале XX века росло число квазиартелей, в деятельности которых артельщики переставали участвовать личным трудом, получая лишь барыши; возникли спекуляции «артельным местом» (так называемый артельный азарт), артель использовалась как удобная юридическая фор-

ма для прикрытия другой деятельности (в том числе незаконной) и т.д. Артели, которые допускали вторжение внешних сил, изменение своих принципов и ставили под сомнение собственные суверенитет и автономность, мы называем *деградирующими*. Вступление на путь перерождения еще не означало смерти артельного начала. Конечной точкой перерождения могло стать полное поглощение артели капиталистическими предприятиями. В жизни чаще происходило другое: артель просто закрывалась, не выдержав конкуренции с капиталом, имевшим возможность во время кризиса снижать цены и таким образом «душить» артельного предпринимателя.

Иной путь развития — формирование сети кооперативных хозяйств, охватывающей постепенно все мыслимые и немыслимые сферы рынка. Этот путь представлялся народникам-социалистам единственно правильным, дающим шанс народной артели сохраниться и вырасти в зрелые формы. Поразительным и маловероятным для большинства наших читателей будет тот факт, что в России начала XX века этот «утопический» путь, как будто опровергающий тезисы о неумолимом шествии прогресса и капитала, был еще одной реальностью, «параллельной реальностью» внутри многообразной русской цивилизации. Сеть народных предприятий не просто возникла, а развивалась огромными темпами и постепенно обрела черты действительной альтернативы капитализму (а заодно — и коммунизму). Статистика свидетельствует: на 1 января 1918 года в стране насчитывалось 51 417 кооперативов, членами которых являлись около 22 миллионов человек. По этому показателю Россия вышла на первое место в мире, а ее экономика превратилась в многоукладную со значительной долей государственного и социалистического секторов¹⁷. В то же время при оценке этого периода необходимо учитывать, что столь внушительный рост кооперативов объяснялся милитаризацией экономики, ликвидацией рынка и возникновением необходимости в альтернативных распределительных механизмах — ими и стали кооперативы, ►

¹⁷ Говоря о «социалистическом секторе», мы имеем в виду органический народный социализм, социализм русской артели и потребкооперации, альтернативный марксистскому.

которые наложились на привычку народа действовать артельно. Сходная ситуация (хотя и в гораздо меньшем масштабе) сложилась позднее во время Великой Отечественной войны, когда в условиях мобилизационной экономики кооперативы проявили себя как эффективные механизмы распределения.

Главная слабость русской артели и кооперации революционной эпохи заключалась в том, что идеологи и духовные лидеры кооператизма-артельности не успели получить достаточного политического веса. Отчасти это было связано с принципиальной аполитичностью их программы. Теория «кооператизма» предлагала изменять социальную среду и личность внутри капиталистического устройства — в отличие от того же марксизма, в рамках которого предполагалось завоевание власти и изменение социального строя, с тем чтобы потом на новой основе появился новый человек. Таким образом, новое общество кооператизма-артельности должно было выстраиваться с фундамента, «снизу вверх». При этом борьба с капитализмом велась как бы исподволь. Е.Д. Максимов (Слобожанин) писал по этому поводу: «Кооператизм-артельность не разрушает капиталистические фабрики и заводы, а, строя рядом с ними артельные и кооперативные мастерские, фабрики и заводы, делает первые ненужными»¹⁸. По точному замечанию Н.А. Аитова, «нужна была значительная доля наивности, чтобы мечтать о том, что, создавая сеть мелких производственных и потребительских кооперативов, можно сокрушить капитализм и создать общество трудящихся»¹⁹.

Артель, несмотря на огромное число ее последователей, была беззащитна перед политиками, настроенными на радикальное насильственное изменение социального устройства страны. Как отмечал задолго до этого времени один из самых чутких исследователей Ф.А. Щербина, артели не могут сами по себе быть реформирующей общество силой, «им едва в пору отстаивание своего собственного существования. Они име-

ют важное социально-воспитательное значение. Они могут послужить *подготовительным материалом для развития высших форм ассоциационного труда и отношений*, и в этом вся их сила и залог для будущего»²⁰.

По выражению социолога О.К. Федоровой, русские община и артель были разрушены искусственно. Это было не экономическое, но административно-политическое уничтожение дореволюционных народных устоев.

Лучшие умы России возлагали на эти устои большие надежды. Д.И. Менделеев писал: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному»²¹.

А.Н. Энгельгардт, резюмируя многолетние исследования русской жизни, главный свой вывод формулировал следующим образом: «Занимаясь восемь лет хозяйством, страстно занимаясь им, достигнув в своем хозяйстве, могу сказать, блестящих результатов, убедившись, что земля наша еще очень богата (а когда я садился на хозяйство, то думал совсем противное), изучив помещичьи и деревенские хозяйства, я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь в деревне выросшее, окрепшее»²².

Артель и община были связанными между собой подсистемами национального общественного уклада. Община представляла собой оседлое, прочное, корневое начало, сопряженное с семьей, родом, воспита-

¹⁸ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. С. 75.

¹⁹ Аитов Н.А. Размышления дилетанта о том, где взять денег на зарплату // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 96.

²⁰ Щербина Ф.А. Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 127—128.

²¹ Менделеев Д.И. Собрание сочинений. Т. 20. М., 1952. С. 326.

²² Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. С. 322.

нием и возрастом детей. Артель по отношению к семье и общине представляла собой форму частичного «открепления», в ней было выражено *поисковое начало*, народное предпринимательство, творческое исследование внешнего пространства жизни, страны, тех ниш в ней, которые требовали заполнения и освоения. Неудивительно, что этот поиск чаще всего происходил в отрыве от общины и семьи, в свободном движении по просторам родной земли. В артели русский народ шел на эксперимент, риск, социальное творчество, оттачивал мастерство, развивал предприимчивость, пытливно изучал общественную жизнь, природу, экономику России, особенности ее регионов. Недаром за большинством артельных занятий закрепилось наполненное глубоким смыслом понятие «промысел» — человек в промысле заострял свои мысли и навыки, постигал разнообразие жизни, богатство ее возможностей. Талантливый человек через промысел мог воплотить свой дар, раскрыть таившееся под спудом.

***

Сегодня многие культурологи, социологи, экономисты рассматривают артельность, наряду с общинностью и соборностью, как один из важнейших культурно-психологических и социально-исторических архетипов России. Такие трактовки восходят к большой и богатой традиции исследования и осмысления феномена русской артели и кооперации, начиная с поздних славянофилов, почвенников, народников, социалистов и кооперативистов разных толков.

Из большого числа работ об артелях, проанализированных в нашем труде, можно без особого труда вычленил эту философию «артельности», союзного солидарного мироустройства, испытанного на прочность в ходе развития русского капитализма. Главным продуктом и носителем этой философии был артельный человек, представлявший собой тип, широко распространенный и в то же время далеко не единственный. Настоящих, сильных артельных ►

людей, способных к сопротивлению внешним влияниям, отстаиванию братских интересов своей артели, своей деревни, своего «мира», было не так уж и много. Но они занимали ключевые позиции в старом крестьянском укладе, на них держались и общины, и артели, их авторитет в народе был непререкаем. Сломить силу этого авторитета удалось лишь советской власти, которая целенаправленно поставила эту задачу и решила ее. Те из сильных артельных и общинных людей, кто уцелел в Первой мировой и Гражданской войнах, были в значительной своей части репрессированы в ходе раскулачивания. Часть из них сохранилась в артелях промкооперации, кто-то успел переселиться в город. Но последние были вынуждены приспособиваться к новому укладу. Тем не менее мы убеждены, что на генетическом уровне архетип сильного артельного человека, архетип русской артельности — неистребим.

* * *

В свете современного анализа самоорганизации в малых командах²³, русская артель ее классического образца может быть определена как выдающийся образец *социальной синергии*. Термин «синергия» (греч. *Συnergieia* — «содейственность», «соэнергичность») в новогреческом языке представлял собой абсолютный синоним понятий *кооператив* или *артель* («соробничество», лат. *cooperatio*). При этом он имеет огромное значение в православном богословии, обозначая соединение тварных энергий человека и нетварной Божественной энергии, в сопряжении которых происходит духовное возрастание и преображение подвижника. В артельном коллективе и в синергетической команде этот принцип «со-энергичности» отражает не только простое объединение усилий с целью больше заработать или решить производственные проблемы, но и эффект взаимопомощи, слаженной работы, осознания взаимозависимости участников.

Степень доверия, старательности, солидарности в такого рода коллективах на порядок больше, чем в коллективах наемных работников, в которых главной и определяющей личную мотивацию является вертикальная связь между нанимателем и наемником, а не горизонтальные связи между работниками. В синергетических коллективах люди учатся совместно решать общие задачи, ценить тех, кто способен предложить оптимальное решение этих задач. Артельность и синергичность не тождественны коллективизму; здесь возникает более сложное качество сложения усилий, когда командный характер деятельности сочетается с глубоким индивидуализмом, от человека требуется не только живучивость и демократизм, но и многопрофильность, высокая адаптивность к меняющимся внешним условиям, строгость в следовании признанным в данной команде принципам справедливости. С нашей точки зрения, такое сочетание гораздо глубже соответствует русскому культурному архетипу, чем элементарный коллективизм с его уравнильностью и инертностью.

Русский народ в разные исторические эпохи воспроизводил эту благородную модель высокой социальности. Присутствием артельных архетипов объясняется и внутреннее сопротивление носителей русской культуры попыткам навязать чужие модели коллективизма коммуны, частнособственнического предпринимательства, пресловутого «рационального» экономического поведения, протестантской хозяйственной этики. Нам необходимо достигнуть новой ясности в понимании естественных склонностей и преимуществ нашего народа, чтобы не повторять ошибок прошлого и не жертвовать во имя каких-то абстракций и экспериментов этим величайшим внутренним богатством русской цивилизации.

²³ Это касается новейших западных теорий по командообразованию в корпорациях, когда команда понимается как «живая структура», способная к синергетическим эффектам, возникают идеи о самомотивации сотрудников, самоуправляемых бригадах, проектных командах, «викиномике», возрождение интереса к ценностям товарищества и взаимной ответственности на производстве как факторов вовлечения в корпорацию, обращение к ценностям открытости лидера, эмпатии между сотрудниками и т.д. См., например: Хейдема Дж., МакКензи К. Как создать команду, увлеченную своим делом. М., 2009; Гостик Э. Сотрудник-невидимка. М., 2008; Граттон Л. Точки кипения. СПб., 2008; Элегер Р. Душа организации. М., 2006; Мэддакс Р. Успешная команда. М., 2008; Роббинс Х., Финли М. Почему не работают команды. М., 2005.